

Евгений Плоткин

Гора

ГОРА

Я ни разу в жизни не был на Храмовой Горе в Иерусалиме. Весь Израиль объездил, посетил отдаленные монастыри, труднодоступные вadi, выжженные солнцем руины, видел Хеврон, Сартабу, Себастию, Гризим, а на Храмовой горе побывать до сих пор не удалось. Вот жду, может придет Мошиах, тогда и погуляем там вдоволь.

Честно говоря, ждать пока придет Мессия, не хочется. Дел у него и без того будет по горло, и тут я со своей Храмовой горой. Одна знакомая, побывав в Иерусалиме и узнав впервые о Мессии, спросила невинно: «А когда она придет, эта Мессия?»

Когда придет – точно неизвестно, по крайней мере, мне не известно, а вот куда придет – указано заранее. Это Золотые ворота Иерусалима, заложенные камнем – то ли для того, чтобы он не прошел, то ли для того, чтобы только он и прошел. Судя по тому, что ворота на месте, подъем на Храмовую гору пока откладывается.

Всем этим проблемам с Храмовой Горой я обязан Илье Рипсу. Илья – совершенно гениальный математик, профессор, замечательный, болезненно порядочный человек. Я знаю его с детства, поскольку он ученик

моего отца. В шестидесятые годы папа рассказывал о молодом, невероятно одаренном парне, а в 69-м этот парень поджег себя в Риге у памятника Свободе, протестуя против оккупации Чехословакии. Что было потом – тема отдельной книги, в которой перемешаны КГБ, математика, эмиграция, Коды Торы и многое другое. В Израиле Илья стал Элияху, но для меня он все равно Илья, а для моего папы – Илюша. Иногда и я так его называю, это как-то привычнее, приятнее и добрее.

Помимо всего прочего, Илюша – ортодоксальный еврей. То есть по-настоящему ортодоксальный – со шляпой, черным костюмом, черными же штиблетами и всеми прочими атрибутами. Как все это сочетается со знанием наизусть всего Мандельштама, фантастической математикой и генетической интеллигентностью – уму непостижимо. Во всяком случае, я давно уже бросил попытки понять то, что находится далеко за пределами моего разума...

Время от времени я спрашиваю Илью о вещах, связанных с соблюдением традиций или объяснением того или иного библейского события. Ответ бывает всегда непредсказуем и поучителен.

Как-то раз, по молодости лет, я его спросил: «Скажите, вот по субботам, по шаббатам, можно ли заниматься спортом? Бегать, прыгать, плавать, играть в баскетбол? Ведь это же так полезно, и это никак не работа, и противоречия нет ни-

какого?» Илья на минуту задумался. «Видите ли, Женя, – сказал он, – ну, как бы мне Вам объяснить... Это все равно что спросить, можно ли читать лекцию с расстегнутой ширинкой. Закона, что нельзя – нет, нет такого закона, но ведь согласитесь – не принято! Так и со спор- том по шаббатам – у Вас просто так много дел, что и в голову не приходит заняться спортом. Не принято...»

И вот однажды, много лет назад, Илья позвонил мне по телефону.

– Женя, я слышал от Бориса Исааковича, что Вы собираетесь вести ваших гостей в Иерусалим?

– Да, конечно, обязательно поведу – Храм гроба Господня, Гефсиманский сад, могила царя Давида, многое другое.

– Хорошо, – говорит Илья, – это хорошо...

Чувствую, наступает непонятное молчание.

– Что-то не так? – спрашиваю я.

– Да нет, конечно, нет, но... но...

– Я Вас слушаю, Илья, говорите...

– Женя, очень прошу Вас, не поднимайтесь на Храмовую Гору.

– Но почему? Ведь это так важно, это место, где стоял Храм, где сейчас стоит мечеть

Омара – великолепный памятник арабско-византийского стиля, классический четверик на восьмерике. Там же и конюшни Соломона, и Аль-Акса, построенная в седьмом веке...

– Я Вас очень прошу, Женя, не поднимайтесь.

– Но как же гости? Как можно их лишить такого удовольствия? Это же достояние человечества, это же культурная ценность!

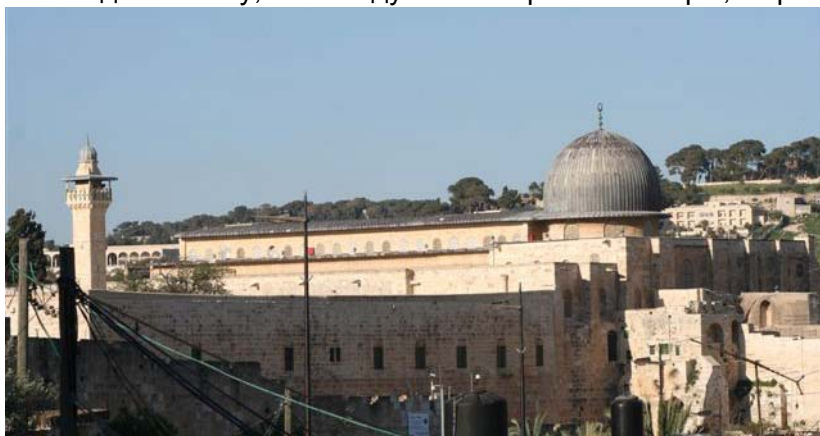
– Не поднимайтесь, пусть они сходят, а Вы подождите, и потом покажете все остальное.

И я не пошел. Мне было неловко

идти, если Илья меня просит этого не делать. Ну, и обойдусь без Храмовой горы, пере- бьюсь. Хотя хотелось – отчаянно...

Около десяти лет я не возвращался к вопросу о Храмовой горе. Но каждый раз, когда показывал Иерусалим, этот разговор всплывал у меня в памяти. Всем можно, а мне нельзя, ну что за напасть...

Я стал опасаться спрашивать Илью о каких-то неясных мне вопросах, связанных с религией. Мало ли на что нарвешься. Но как-то раз не сдержался и спросил его о ките.

На траверсе Яффо, совсем недалеко от берега, находятся два рифа. Один из них называют скалой Андромеды, а другой – рифом Ионы. В Израиле прикосновение истории иногда доходит до осязаемых мурашек, и Яффо – одно из таких мест. Город, построенный сыном Ноя Иофетом, значительно старше Иерусалима. Насчет Ноя, Ковчега, голубя

сказать наверняка что-то сложно, но то, что греки называли его Иоппией – неоспоримый факт, и то, что волны цивилизации накатывались здесь мощно и непрерывно – тоже.

Как сейчас помню, школьные годы, увлечение греческими мифами – и картину неизвестного художника: летит по небу молодцеватый Персей с мечом, щитом, головой Медузы Горгоны и смотрит вниз. Внизу заламывает руки Андромеда – белогрудая, рубенсовских форм тетка. Рядом не крупный змей, одна андромедина грудь больше всей его клыкастой морды. В голову не приходило, что она должна быть, как минимум, шоколадного цвета, так как была дочерью эфиопского царя Кефея и царицы Кассиопеи, неизвестного роду-племени. А уж про географию никто вообще не думал – летал себе и летал Персей, кто же его знает, где именно его носило. Увидел Персей Андромеду, для верности спросил Гермеса, что за женщина в цепях – и сразу бросился спасать и жениться. Безумной храбрости был юноша...

Считается, что на рифах Андромеды до сих пор видны следы цепей, а по вечерам из моря доносится дыхание чудовища, пораженного Персеем.

Все это меня как-то не очень смущало. Звучит красиво, чудовища всегда мерещились непросвещенному народу, человеческие жертвы – тоже дело обычное, почему бы, в самом деле, Андромеде не быть прикованной в Яффо. Тем более, и цепи сохранились, и Страбон не зря свою «Географию» писал. Сложнее обстояло дело с Ионой.

– Илюша, – спросил я, – ну объясните мне, что за киты в Средиземном море, откуда вся эта плешь берется? Не могло быть здесь никаких китов. Почему около Яффо находится риф Ионы, как это может быть???

Илья на минуту прикрыл глаза, а потом тихо сказал знакомую фразу: «Видите ли, Женя...»

– Видите ли Женя, Иона был пророк. И он был человек. Ему было видение – надо идти в Ниневию, так как жители ее погрязли в грехе, и за это Бог решил их покарать и разрушить Ниневию. Но Иона был человек! Какой же человек захочет пойти с такими вестями в город? И решил Иона избежать своей пророческой участи, решил сбежать от того, что ему предначертано.

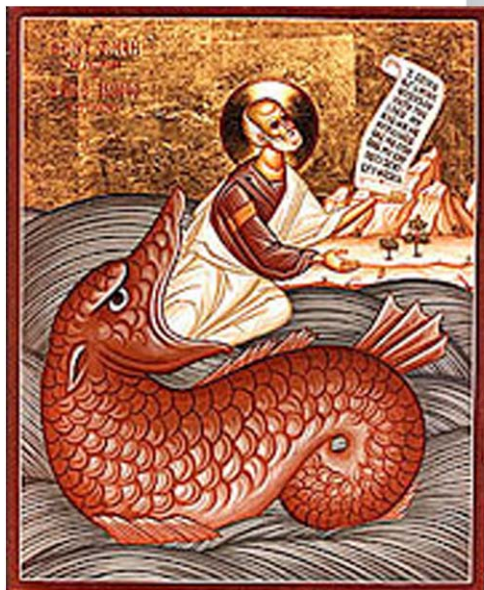
И он пришел в Яффо и сел на корабль, который шел в Испанию, в Тарсис. Ничего никому не сказал, просто сел и стал ждать. Корабль отплыл, и поднялась страшная буря. Иона понял – это из-за него. Но он был человек, и прыгать в море ему не хотелось. Поэтому он пошел в трюм и заснул.

Вот этот момент мне не ясен. Как можно спать во время шторма – будь ты человек или пророк, когда так качает, да еще и виноват к тому же... Но он заснул.

Команда, между тем, бросила жребий, и жребий пал на Иону, который спал в трюме. Матросы пришли к Ионе, разбудили и спросили: «Ты кто?» Очень вовремя, кстати... Иона

ответил: «Я Иона, пророк, иудей». Матросы ему сказали: «Прыгай, жребий указал на тебя» – а сами тем временем стали молиться. Иона прыгнул, море сразу же утихло, подплыла огромная рыба и проглотила Иону.

Это была, конечно, никакая не рыба, это был уникальный, не слишком комфортабельный плавучий отель, сконструированный Богом специально для вразумления пророка, не желающего делать то, что ему положено.

Три дня в нем провел Иона, размышляя о Ниневии, о предназначении, о разных важных вещах, и лишь после этого рыба напрямую доставила его к скалам возле Яффо.

– А почему к Яффо? – наконец вставил я, очарованный этой притчей, которую не проходили в средней школе. Знали лишь, что был кит, был Иона во чреве, но что, зачем, когда – не знал толком никто.

– В Яффо потому, что отсюда начиналась прямая дорога на Ниневию. От Яффо вообще расходились дороги – на Иерусалим, на Дамаск, на Египет, на Ниневию.

– Ну хорошо, а почему кит?

– Вообще-то в оригинале кита нет, есть большая рыба, которую иногда отождествляют с Левиафаном, а вот почему кит – не знаю.

Илья рассказывал так, как и написано в ивритском первоисточнике со всеми этими «и пошел», «и сказал», «и подумал». В этом было что-то очень подлинное, древнее и теплое.

У моих родителей в Бобруйске в конце сороковых годов преподавал Марк Григорьевич Розовский. Он до этого был учителем идиша в еврейской школе, а после расформирования еврейских школ стал учителем русского в русской школе. Диктовал детям тексты он примерно так: «И мы пошли и к дому и зашли у в дом».

Три четверти учеников были евреями – черта оседлости все еще отчетливо прослеживалась на карте Родины. Они писали правильно: «Мы пошли к дому и зашли в дом». Лишь белорусская девочка из деревни Титовка, что за рекой, писала так, как слышала: «И мы пошли и к дому и зашли у в дом». Марк Григорьевич морщился и говорил: «Кащицкая, так говорится, но не так пишется»...

И направился Иона из Яффо в Ниневию – поскольку за три дня в море он понял, что в первую очередь он пророк, и уж потом – обычный человек. Велено в Ниневию – надо идти в Ниневию, ничего не поделаешь.

Много позднее Рената Муха замечательно выразила состояние Ионы:

*Ну дела, подумал лось,
Не хотелось, а пришлось...*

Придя в Ниневию, Иона сообщил ее жителям, что из-за их безобразного поведения через 40 дней все они погибнут – сойдет с небес огонь, и разрушит город за грехи его. Сообщил, но не ушел сразу, а вышел за стены города и сел наблюдать. Потому что он был человек, и было ему любопытно. Жители Ниневии стали поститься, молиться, каяться. Время шло, и ничего с городом не происходило. Иона очень огорчился. На мой взгляд – зря, так как лучше уж слыть лжепророком, чем с успехом предсказывать напасти. Но, видно, многое он пережил и передумал, сидя у рыбы в брюхе, и хотелось ему признания.

Пока он сидел и ждал, стало жарко. Над ним вырос касторовый куст и прикрыл его от солнца. Именно так и сказано в оригинале: «И куст касторки прикрыл Иону». По другой версии, Иону защитил лопух. Тоже неплохо – не касторка, так лопух. Ну, и наконец, в греческом переводе Иону от зноя спасла тыква... Так или иначе, что-то выросло и прикрыло Иону от солнца. И стало ему хорошо.

Хорошо-то хорошо, не жарко, но был он очень раздражен. И спросил Иона Бога: «Почему же ты не разрушил Ниневию, почему не сделал того, о чем сообщил мне, того, из-за чего я так страдал?» Просто спросил, не стеснясь, почтительно, но, как принято у евреев, на «ты».

В это время появился червяк, подгрыз куст над Ионой – и куст завял. Иона очень опечалился. Бог наслал жаркий ветер, и Иона еще больше опечалился о судьбе растения, да и о своей собственной. И тогда раздался ему голос: «Иона, ты пожалел лопух, с которым знаком всего один день, а я пожалел Ниневию, которую знаю давно»...

Я в некотором обалдении выслушал ответ Ильи о том, как обстоит дело с китами и пророками на Средиземном море, и больше о китах не спрашивал. А на самом деле здесь спутались два мифа. Та самая зверюга, что собиралась сожрать Андромеду, называлась по-гречески «кетос». От него произошло греческое слово «кит», которое и вошло в русский язык. В греческом переводе Ветхого завета рыбу, сделанную для Ионы, тоже перевели как «кетос», хотя ничего особенно чудовищного в ней не было – рыба как рыба, только большая очень. Так и возник кит, проглотивший Иону. Загадкой осталось только «чудо-юдо рыба кит», который знаком с детства по «Коньку-горбунку» (кстати, для любопытных: на иврите конек-горбунок – это «сусон-гавнонон»). В моем юношестве «чудом-юдом» называли еврея, устроившегося на работу. Примерно такого же мнения придерживался и собиратель русских сказок Афанасьев, производивший «юдо» от Иуды Искарриота... Но на самом деле это, наверное, просто хорошо ложащееся на язык выражение, энергичное и звучное: «чудо-юдо», «гоголь-моголь», «шалтай-болтай».

Прошло время, мы много общались с Ильей, говорили о математике, о Кодах Торы, о логике, но я не возвращался к теме Храмовой горы, считая это каким-то табу, в которое не надо особенно вдумываться, а можно или выполнять, или не выполнять. Терпел и не ходил

на Гору, хотя и не понимал, почему не надо ходить «туда, не знаю куда», поскольку это вступает в противоречие с «тем, не знаю чем». Но когда на прошлый Песах в гости приехали наши близкие студенческие друзья, я понял, что такое положение с Храмовой горой меня вконец измучило, и снова позвонил Илье:

– Илюша, Вы помните я когда-то Вас спрашивал о подъеме на Храмовую гору?

К моему удивлению он сразу сказал:

– Да, конечно, – хотя дело это было более чем давним.

– Ко мне приехали очередные гости, мы завтра будем в Старом Городе, я бы хотел подняться, посмотреть мечети, новые раскопки, вид на долину Кедрона.

Илья опять замолчал, как тогда – когда-то.

– Видите ли, Женя, – сказал он, – я Вас прошу, не ходите на Гору.

Вот тебе и раз! Я был уверен, что

прошло время и я уже могу пойти туда, куда ходят все туристы, даже те, которым, в общем-то, и не надо совсем, которым что Храмовая гора, что Поклонная – все едино.

– Не стоит этого делать, – тихим голосом продолжает Илья, – я Вас прошу...

– Ну хорошо, ну, может быть и не стоит, но хоть объясните, в чем проблема, а то получается как когда-то – нельзя, потому что не велено, а ведь мы с Вами помним, как все это было... гм... неприятно.

– Видите ли, Женя, – сказал Илья, – все дело в Храме. Он разрушен, и Первый, и Второй разрушен, но на самом деле он существует и находится где-то на Храмовой горе, просто мы его не видим, не ощущаем, но в нужный момент он из этого состояния выйдет и проявится.

– Ну, хорошо, если так, я этого не знаю, но допустим, что он там стоит, в другом измерении – для простоты – и мы его не видим. Так чем плохо посмотреть на то, что мы все же видим в нашем трехмерном мире – на Золотой купол, на древние фундаменты, на весь этот удивительный комплекс?!

– В этом нет ничего плохого, но, находясь на территории Храмовой горы, Вы можете попасть на территорию невидимого Храма, а там есть особые места...

– В Храме, который мы не видим?

– Да, в Храме.

И тут до меня, наконец, дошло.

В храме Соломона было помещение – Кодеш ха Кодашим, Святая Святых, *Holy of Holies*, Санта Санкторум. Это помещение отделялось занавесом от остального Храма. Внутри находился Ковчег Завета, а в нем пара Скрижалей с заповедями.

Их было две, потому что первые Скрижали Моисей в сердцах расколошматил. Спустился с горы Синай, увидел Золотого Тельца, рассердился и разбил, несмотря на то, что были они сделаны из сапфира и вручены из первых, так сказать, рук. Их осколки и находились в Ковчеге. Кроме них, в Ковчеге были и вторые – полноценные Скрижали, записанные уже Моисеем, но под диктовку все того же автора. Еще в Святая Святых находился свиток Торы, также написанный Моисеем, сосуд с манной, жезл первосвященника Аарона, брата Моисея, сделанный из миндаля, и несколько других, важных и полезных вещей.

Но самое главное, там ощущалось присутствие Божье, так называемая Шхина, и поэтому входить туда нельзя было никому, кроме первосвященника. Делал он это раз в году, на Йом Кипур – Судный день. Впрочем, незадолго до Вавилонского пленения и разрушения Храма Соломона Навуходоносором, Ковчег Завета исчез из Святой Святынь, и во Втором Храме его уже не было. Никто не знает, где он, хотя самая популярная версия отсылает в отдаленные районы Эфиопии. А по другой – он найден, спрятан и ждет Третьего Храма.

Ну, а теперь все просто. Раз Храм существует, но невидим, то можно ненароком зайти туда, куда не положено. А это – нехорошо. Более того, помимо Святой Святынь, куда уж совсем никак нельзя ступить, имеется масса мест, куда могли заходить только коены или левиты. У меня у сводного дедушки фамилия была Коган, но боюсь, что недостаточно этого. Наверное, были в роду и какие-то Левитины, но попробуй их теперь разыщи по синагогальным архивам. В любом случае, ходить на Гору кому попало – не следует, или, точнее, вообще

никому не следует, а уж не Коганам да Левитинам – точно. В общем, «Добро пожаловать или Посторонним вход воспрещен»...

– Илья, – говорю я, – ну, давайте подумаем. У нас есть, по крайней мере, одно место, которое сохранилось от Храма. Это – Стена Плача. У нас есть точный план Храма, он неоднократно записан. Ну, какая была толщина стен Храма? Ну, допустим метра два. Плюс межстенное пространство, плюс то да се – значит, я могу совершенно спокойно подняться на Гору и отойти метров на десять от края без ущерба для невидимого Храма?

Илья задумался. Я чувствую, что все это напоминает разговоры о количестве чертей на кончике иглы – чувствую, но почему-то не могу не относиться к разговору серьезно.

– По-видимому, Вы правы, – говорит Илья медленно и веско. Он чуть-чуть картавит, но не ивритской убойной картавостью и не французским грассированием, картавит легкой картавостью русских дворян. – По-видимому, Вы правы, – повторяет он, – но я Вас очень прошу – не надо.

– Илья, ну почему же не надо, какая здесь-то логика?!

– Видите ли... – начал Илья, и я понял, что в этот раз Гора мне снова не светит.

А логика здесь несложная. Одни ортодоксы считают, что те, кто ритуально нечист, не могут подняться лишь на территорию невидимого Храма, а другие – на всю Храмовую гору. Одни думают, что сейчас все евреи недостаточно кошерны для подъема к Храму, а другие – что части из них все же можно подниматься на Гору. Ну, и так далее. Не стоит в это вникать чересчур глубоко, каждый выбирает для себя – идти или не идти, и зачем идти, если идти.

Кстати, я прошел подземным ходом от Стены Плача, до Скорбного Пути, Виа Долороза. Судя по всему, этот подземный ход идет по окраине Храмовой Горы или под окраиной. Интересно, как это согласуется с тем, что можно, а что нельзя еврею.

Вот это – по-настоящему тонкий вопрос. А пока – на Храмовую Гору что-то не пускает...

Надо будет дальше с этим как-то разбираться. Посмотрим. Но хорошо, что в запасе всегда имеется старый, мудрый анекдот. К ребе приходит женщина и говорит, что ее муж простудился. Надо бы ему нагреть чаю, но ведь нельзя – шаббат, суббота, и что ребе по этому поводу думает? Ребе отвечает: «Ну что ты, женщина, как можно – суббота...» Женщина сидит расстроенная. В это время ребе уходит и возвращается со стаканом чая в руке. «Ребе! – говорит женщина. – Вы пьете чай?!» «Да, пью... Но ведь я Вас не спрашиваю».

Наверняка этот текст выбит на камне где-то возле Храма – там, где хранятся раритеты народной мудрости, ума, лукавства. Наверняка рядом выбиты мириады сходных мыслей, играет скрипка, висят картины. Просто мы этого не видим, и поэтому если пойдем туда, куда не следует, то можем все сломать и все испортить.

Я думаю, не страшно, одни сломали – кто-нибудь починит.

Или подождем, вот придет Мессия...

